

АННОТАЦИИ

Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. М., 1983. 226 с.

Само название сборника говорит о широте его проблематики. Действительно, круг рассматриваемых в нем вопросов велик — от истории формирования готских племен в III в. до представления о судьбе в эпоху Возрождения, от мировоззрения Кассиодора до положения византийского крестьянства в XIV в. Столь обширный диапазон тем делает книгу интересной как для тех, кто занимается историей социальных и экономических процессов в средние века, так и для историков культуры античности, средневековья и эпохи Возрождения.

Сборник открывается статьей В. П. Будановой «К вопросу о формировании вестготов и остготов (по данным письменных источников)». Школьная история средних веков начинается с 476 г. — падения Западной Римской империи, завоеванной готами; что за народ были эти готы и являются ли они тем же самым народом, который в III в. появился у границ Римской империи? Существовали ли уже в III в. в Причерноморье племенные союзы вестготов и остготов, или они сформировались окончательно только к V—VI вв., что и послужило стимулом к образованию знаменитых готских государств — Вестготского в Испании и Остготского в Италии? Автор статьи предпринимает «попытку показать, что для решения вопроса о формировании вестготов и остготов дают конкретные письменные свидетельства источников» (с. 5). Важнейший источник — Иордан сообщает, что готы «на Понтийском море разделились между двумя родами своего племени»; это сообщение обычно понималось буквально, и на его основе формирование вестготов и остготов относили к III в. Однако В. П. Буданова, анализируя данные всех сохранившихся источников, показывает, что, во-первых, «ни один из исторических источников, включая Иордана, не подтверждает определенно факт существования в III в. единого племени готов», а во-вторых, «история готов с III в. представляет серию их неоднократных разделений, и потому нельзя говорить «об образовании ранее V в. двух достаточно устойчивых объединений готов» (с. 17).

От проблем этногенеза следующая статья уводит к вопросам формирования

классового общества и государства в средние века. Подробно рассматривая историю развития элементов государственности в Швеции на протяжении огромного отрезка времени — с I по XII в., А. А. Сванидзе дает свой ответ на «один из наиболее дискуссионных вопросов современной скандинавистики: о времени возникновения государства в Швеции и периодизации его ранней истории» (с. 29). Она выделяет три основных этапа в процессе генезиса государства на территории современной Швеции: 1) догосударственный период (I—V вв.) — консолидация племен свеев и ётов и возникновение элементов государственности; 2) варварское государство (V—конец X в.); 3) генезис феодального государства (конец X—XII в.). Несмотря на краткость изложения, автору удается последовательно и отчетливо проследить постепенное изменение социальной структуры, возникновение, развитие и смену различных общественных институтов, форм государственной и военной власти, обработать массу конкретных фактов так, что они складываются в ясную картину, которая и дает возможность автору обосновать свою концепцию эволюции шведской государственности.

Статья В. И. Уколовой «Кассиодор и средневековая культура» восполняет известный пробел в отечественной науке — ведь о знаменитом эрудите «смутной эпохи» мы не знаем почти ничего. Между тем, как показывает В. И. Уколова, влияние Кассиодора на средневековую культуру, «живучесть кассиодоровой культурной традиции» (с. 89) были очень велики. Кассиодор — одна из самых заметных фигур, стоящих у порога культурной традиции средневекового Запада. Правда, несмотря на колоссальную всестороннюю образованность и блеск литературного таланта, Кассиодор уступал своему современнику Боэцию в том, что касалось самостоятельности мысли и последовательности взглядов; поэтому ему, как правило, отводят место «хранителя и передатчика достижений древних», «последнего стража античной культуры» (с. 87). Безусловно, и пафос самого Кассиодора, и роль его трудов в последующие века дают полное право квалифицировать его так; однако он не только

компилятор античной мудрости, но и «человек новой формации... активный деятель, разумный и дальновидный создатель новой культуры... Кассиодор... целиком исходит из реалий своего времени — крайней социальной и политической нестабильности, усиления влияния христианской церкви как организующей силы, варваризации общества» (с. 86—87). Автор статьи показывает, как складывалось мировоззрение Кассиодора — под влиянием эпохи, личного опыта, чтения языческих и христианских писателей; излагает систему взглядов Кассиодора по его важнейшим сочинениям и, наконец, останавливается на влиянии Кассиодора на средневековую культуру. Большое достоинство статьи состоит еще и в том, что Кассиодор — забытый писатель плохо известной эпохи — предстает перед нами как живой, понятный человек: нам объясняют мотивы его поступков, истоки его убеждений, связь его с современниками и предшественниками.

Статья З. В. Удальцовой и К. В. Хвостовой «Социальные и экономические структуры в поздней Византии» посвящена изменению положения крестьянства в Византийской империи в XIII—XIV вв. В ней формулируются основные типологические особенности аграрного строя Византии по сравнению с социально-экономической структурой Западной Европы. Затем так же строго вычлениются важнейшие отличия состава и структуры класса феодально зависимого крестьянства Византии по сравнению с Западом. Далее авторы предлагают свое исследование эволюции этой структуры, ее динамики во времени — в период между XI—XII и XIII—XIV вв. Существеннейший фактор социально-экономических отношений в поздней Византии — расслоение крестьянства; однако сохранившиеся источники — преимущественно практики отдельных вотчин — не позволяют определить, как быстро и каким образом произошло расслоение: новые формы землепользования не находили отражения в консервативных формулярах практиков. Об истинном характере расслоения крестьян может свидетельствовать налог. Но для этого необходимо выявить структуру налога, расщепить его на составные части: поземельная подать, налог, взимаемый со всего имущества и с доходов от неземледельческой деятельности, и т. д. С этой целью авторы статьи используют количественный анализ; с помощью того же количественного анализа исследуется и коэффициент расслоения крестьянства. В результате удается констатировать, что в XIII—XIV вв. происходит «ряд существенных сдвигов в системе ведущих социально-экономических структур, характеризующих аграрный строй империи в целом. Наиболее существенным сдвигом следует считать... падение социальной роли держания на паричском праве и возрастание роли аренды» (с. 112). Не меньший интерес, чем выводы, сделанные авторами статьи относительно расслоения

крестьянства, представляет, на наш взгляд, подробное описание методики применения количественного анализа в историческом исследовании.

Статья Е. В. Гутновой «Борьба крестьян с представителями феодального государства в Англии XIII—XIV вв.» рисует картину крестьянских выступлений против феодального государства и его агентов на местах: против королевской администрации, королевских судов, против налогового гнета и рекрутских наборов, против системы королевских заповедников. Автор подробно рассматривает причины недовольства крестьян и формы проявления этого недовольства; исследует, в каких случаях и насколько интересы крестьян в их антигосударственных выступлениях совпадали или расходились с интересами других слоев английского общества; отмечает «модификацию в движениях... крестьянского протеста, приобретение им специфически политической окраски» (с. 138).

Еще один возможный аспект исследования социально-экономических отношений средневековья представлен в статье Л. А. Котельниковой «Пополанское землевладение в Тоскане в XIV в.: теория и практика хозяйствования». Автор на основании различных источников того времени составляет «своего рода краткие социально-экономические биографии отдельных пополанских семей», позволяющие «проследить особенности их хозяйственной деятельности, порой даже „услышать“ суждения самих пополанов, доводы и обоснования той или иной практики хозяйствования» (с. 147—148). На основании исследования таких экономических семейных хроник автору удается сформулировать определенные выводы об общем характере пополанского землевладения и хозяйствования в XIV в.: «Именно в этот период утверждается новый тип арендных отношений: испольщина и аффикт, а прежнего наследственного держателя... сменяет краткосрочный арендатор... Как испольщина, так и аффикт являются переходными формами от феодальной к капиталистической ренте. Вместе с тем феодальная рента, а не предпринимательская прибыль выступает здесь по-прежнему регулирующим фактором» (с. 168—169).

Статья О. Ф. Кудрявцева и В. И. Уколовой «Представления о Фортуне в средние века и в эпоху Возрождения» с замечательной четкостью показывает, как изменялись представления о судьбе от поздней античности до Высокого Возрождения, как они были связаны с общим изменением мировоззрения и как это последнее, в свою очередь, определялось изменением экономической и социальной структуры общества — словом, взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе применительно к понятию судьбы и ее роли в человеческой жизни исследуется здесь на материале памятников более чем тысячелетней истории — от Августина до Монтеня и Бруно. Авторы рассматривают, как античное (точнее, позднеримское) представление о Фортуне — боги-

не, персонифицировавшей случайность и непостоянство, а также удачу и обилие земных благ, воспринимается христианской культурой средневековья; как понятие судьбы получает философскую разработку у Августина и Боэция: «...образ мира, как он рассматривается в простоте самого божественного разума, носит название провидения, а то, что получает от него движение, то есть собственно мир, бог устраивает посредством фатума...». Наконец, «в конкретных человеческих жизнях, на поверхности явлений фатум может проявляться как Фортуна» (с. 178). Таким образом, в мировоззрении раннего средневековья Фортуна — низшее проявление благого божественного провидения. Понимание судьбы меняется в эпоху высокого средневековья: «Человек этого периода начал „отчуждаться“ от очевидных природных закономерностей... и все больше погружаясь в „стихию“ социальности с более скрытыми от него и в то же время создаваемыми им закономерностями» (с. 179). Образ Фортуны начинает постепенно меняться: вначале только внешне — он возвращает себе все аксессуары античной богини случая, наряжается в «классические одеяния», хотя на деле не приобретает автономности, оставаясь «на службе у всемогущего христианского бога» (с. 181). Однако в исторической перспективе заимствование античных образов имело далеко не формальное значение: «...со временем, когда духовная традиция окажется в разительном несоответствии с жизненным укладом... соседство с Фортуной окажется уже не столь безопасным для христианского бога» (с. 182). В эпоху Возрождения меняется сама основа представлений о Фортуне: в десакрализованном и секуляризованном мире «противоборство человека с Фортуной стало допустимым, поскольку

сама Фортуна уже не рассматривалась как орудие божественного промысла... На второй план отходила идея спасения для вечной жизни, и основное внимание приковывалось к проблеме спасения и свободного самоопределения человека в стихии чуждой ему, иррационально-переменчивой действительности» (с. 190).

Последняя статья сборника — «Чосер и Боэций» — принадлежит Н. А. Богодаровой и рассматривает формирование этических воззрений Чосера, т. е. его концепций судьбы, благородства и личной добродетели, а также любви — под влиянием «Утешения философией» Боэция. Автор отмечает параллели в трактовке перечисленных вопросов у Чосера и Боэция, что свидетельствует об образованности английского поэта, а затем расхождения — что говорит о его прогрессивности. Расхождение особенно заметно «в трактовке Чосером темы женщины и любви»: здесь «со всей очевидностью сказывается новизна его мироощущения: оставляя в стороне любовь как христианскую добродетель и одновременно нарушая «и куртуазную и бюргерскую традиции» (в которых любовь изображается или как идеальное чувство, или как заслуживающий осуждения и осмеяния «люльтер»), Чосер «выдвигает на первый план земное чувство, оправдывая антискетизм» (с. 220).

Таким образом, рассматриваемый нами сборник статей по истории и культуре средних веков дает необычайно широкую, всестороннюю и динамичную картину развития средневекового общества и государства, культуры и мировоззрения, картину жизни самых разных племен, сословий, семей, институтов, идей и концепций от конца античности до начала нового времени.

Т. Ю. Бородай

S. P. Brock. *Syriac Sources for Seventh-Century History*. — *Byzantine and Modern Greek Studies*, 1976, II, p. 17—36.

Как известно, VII век — это время кардинальных сдвигов в общественно-политическом устройстве Византийской империи, время, чрезвычайно богатое историческими событиями. Тем не менее оно является одним из наиболее темных периодов истории Византии, что объясняется скудостью источников. Исследователь, занимающийся этой эпохой, неизбежно сталкивается с рядом трудностей. Ввиду недостатка грекоязычных источников приходится обращаться к источникам на других языках, сведения которых нередко отрывочны и которые рассеяны во множестве различных публикаций. Отыскать их без помощи соответствующего справочника бывает нелегко.

Именно таким справочным пособием является рецензируемая работа С. П. Брока. Эта сравнительно небольшая статья представляет собой справочно-библиографический указатель сирийских источников по истории VII в. Автор проделал чрезвычайно кропотливую работу. В статье указаны наряду с большими

трудами, такими, как, например, хроники Бар Эбрея и Михаила Сирийца, и совсем маленькие, в несколько строчек, заметки, такие, как список арабских халифов VII—начала VIII в. (с. 19). Автор постарался учесть по возможности все опубликованные полностью (хроники псевдо-Дионисия, Или бар Шинайи и др.) или частично (сирийский текст Откровения псевдо-Мефодия) источники, в которых в той или иной степени отражена история VII в. К сожалению, такое издание еще не получило, насколько нам известно, должной оценки в научной литературе. А между тем это очень важное пособие для исследователей. Автор адресовал его как византистам, так и арабистам. От себя добавим, что оно с равным успехом может быть использовано иранистами, занимающимися эпохой поздних Сасанидов.

Материал в рецензируемой статье располагается по следующим разделам: после краткого вступления (с. 17—18) следуют указатели западносирийских (с. 18—23) и восточносирийских (несто-